

Владимир Жириновский: «Живу на отрицательном»

К своему 55-летию, ярко отмеченному политическим бомондом (25 апреля), Владимир Жириновский издал 55 томов своих сочинений. За следующие десять лет намеревается написать еще 45.

— Владимир Вольфович! У вас был запасной вариант судьбы на тот случай, если бы не стали политиком?

— Стал бы педагогом, учителем обществоведения в школе или преподавателем политологии в вузе. Менеджером в какой-нибудь фирме.

— В школе работают консерваторы. Вы бы с ними не сработались?

— Да, я бы ученикам устраивал психологические разборки, учителя бы писали на меня анонимки и меня бы выжили из школы... Мог пойти по юридической части — адвокатом, прокурором.

— Об артистической карьере не думали?

— Нет! Актер всю жизнь играет чужую роль. А здесь я наслаждаюсь: я сам по себе. И — никогда ничего чужого! Я делаю то, что я хочу.

— Значит, артистическая карьера вам не близка?

— Ни в коем случае.

— Почему же тогда вы сыграли в художественном фильме?

— Это не мои идеи! Пристали ко мне: «Давай, давай, давай!»

— Общеизвестна ваша тяга к искусству. Хотелось бы внести коррективы в ваши художественные вкусы. Ваш любимый поэт?

— Ободзинский — из наших. И только одна его песня. (Поэт.) Льет ли теплый дождь,

падает ли снег... Из зарубежных — Сальваторе Адамо — бельгийский певец. Рафаэль — испанский, Хосе Хосе — мексиканский, малыш еще пел — Робертино Лоретти.

— Вы называете имена кумиров вашей юности.

— А сейчас — некого назвать.

— А нынешние кумиры молодежи — ДеЦл, Шура, Витас?

— Знать не знаю. Не воспринимаю. Еще эта Аксу?

— Аксу?

— Знать не знаю. Не хочу их никого.

— Ваш любимый композитор?

— Огинский. «Полонез» Огинского. Хорошо звучит, мне нравится.

— Ваш любимый писатель?

— Немножко Достоевский. Немножко Стефан Цвейг — из зарубежных! — люблю за стиль изложения. Он писал — я читал легко. Может, чуть-чуть Солженицын. Куприн — что-то такое... Арсеньев...

— Какой Арсеньев? Владимир? «Дерсу Узала»?

— Нет, другой!.. Нет, Вересаев — созвучие букв. Там одна повесть — парень с девушкой: у них ничего не получается. Мама любила Диккенса — «Американская трагедия», «Королева Марго» — две книги, которые были у нас в доме.

— Драйзер?

— Да, да, Теодор Драйзер — «Американская трагедия». Я с десяти лет наблюдал, как она читает эти две дурацкие книги кусочками. Семья была бедная, книг было всего две. На этажерке больше не было ничего.

— Любимые актер и актриса?

— Стефания Сандрелли, ее фильм «Соблазненная и покинутая». А наш — Костолевский. Чем-то он мне симпатичен. То ли он похож на меня, то ли я на него...

— Владимир Вольфович, Костолевский кудрявый!

— Ну, кудрявый. У меня когда длинные волосы растут, я тоже кудрявый. Есть что-то в его типе лица близкое мне.

— И еще Костолевский декабриста сыграл. А вы полковника.

— Да, декабристы... Декабристов расстреливать надо. И всех революционеров, реформаторов...

— Такое ощущение, что вы освоили все жанры искусства...

— Ничего не осталось! Все обрыдло, все поперек, все съел, все переносил, все машины объездил... У меня в доме картин полно! Книг шесть — десять тысяч.

Вот сейчас в Кремле купил новые на две пятьсот! У них в Кремле киоски побогаче...

— Подешевле?

— Нет, побогаче выбор. Все самое лучшее туда поступает. Я выбрал нужные и купил. Вот, пожалуйста — Роберт Бернс! Надо немного поэзии. Вот — трехтомник «Великие мысли великих людей» — на досуге полистать. Люблю пе-

сенники собирать — вот все наши песни — «Сердце, тебе не хочется покоя». Бернес поет, Утесов, всякое такое... Вот Тарле — пожалуйста, о политике. Вот «Славяне» Гумилева. Я беру одного автора — одну книгу. Чтобы уместилось все. Франц Кафка — пожалуйста. Эдгар По, Борис Пастернак — это серия, шесть книг. Вот опять Пастернак — две книги оказалось. Они что, ошиблись! (Обращаясь к помощнику.) Срочно позвони в Кремль, чтобы вместо Пастернака дали другого. Ищите как угодно! Как тут не злиться? Пять женщин сидело за прилавком. А дали два Пастернака. Ну что это такое? А вы говорите, как к ним относиться? Видите, опять минус. Опять меня обманули.

— Ошиблись, наверное...

— Я не говорю, что специально. Это безалаберность. Это неумение работать. Зачем мне два одинаковых Пастернака?

— Разве подарить некому?

— Нет! Мне нужно, чтобы были разные авторы. Их надо читать. А так — Пастернака будет два...

— Кстати, о книгах. Какова судьба вашего романа «Иван, запахни душу»?

— Я его уже написал, но хочу опубликовать летом следующего года. В нем я касаюсь слишком многих людей. Они побегут сюда жаловаться: мол, я их оскорбил! К следующему лету некоторые перемрут — будет легче. Родственники покойных, может, не побегут. Я всех там затронул. Поэтому опасно сейчас печатать. Летом, после выборов в Думу, я обязательно презентацию этой книги устрою.

— Почему после выборов в Думу?

— Чтобы они не пакостили мне до выборов. А то побегут жаловаться к президенту.

— Ваши оппоненты, которых вы затронули в книге, уже зна-

ют об этом?

— Нет!

— Так уж нет? Нам уже звонили в редакцию, спрашивали, что там Жириновский про Хакамаду написал?

— Мы в Интернете поместили отрывки, вот они и испугались, что книга уже вышла.

— Какая книга повлияла на вас и вашу судьбу?

— На меня ничего не произвело сильного впечатления... Я не фанат какой-то команды, какого-то писателя, поэта, певца... Я могу послушать — и все. Все одноразово. Вот я пошел в Театр Сатиры. Лет двадцать там не был. Меня позвал Ширвиндт по поводу 60-летия Миронова. Посидел там чисто из уважения. А так бы ушел со спектакля. Или «На Покровке» был на «Ревизоре». Ну что

Фото Алексея Нагаева

Фото Алексея Нагаева

(В это время сработал телефонный звонок. Наш собеседник, подождав, подзывает одного из молодых помощников и начинает отчитывать.)

Один ушел, другой здесь должен быть. Вас же трое! Ну что вы там делаете?

Вот

—

по-

—

по-

там можно смотреть? «Ревизор» мне еще в школе надоел. Я вообще такой человек, которому все не нравится. Жена не нравится, как готовит — не нравится. Вот ресторан «Белое солнце пустыни», я люблю лангман, но они его не так готовят, не умеют готовить. Опять получается, что не нравится. Вот мне дома повариха готовит окрошку или блинчики — иногда она как-то умеет готовить. А так, прихожу в ресторан, все не нравится. Напитки надоели...

